

Альберт Иванов

Деревянный хлеб

Часть сборника
Деревянный хлеб (сборник)

Альберт Анатольевич Иванов

Деревянный хлеб

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3953095

Альберт Иванов. Деревянный хлеб: Повести и рассказы: Астрель, АСТ;

Москва; 2011

ISBN 978-5-17-070806-2, 978-5-271-31700-2

Аннотация

Повесть посвящена послевоенным годам, взрослению подростков в это трудное время, когда перед ними со всей остротой встали вопросы морального выбора.

«Следователь спросил:

– Вы понимаете, что чуть не убили его?.. Вы знали его раньше?

Он не сразу ответил:

– Давняя история... Это началось в тысяча девятьсот сорок седьмом году...»

Содержание

Где они жили	4
Его друзья	8
Страшный человек Пожарин	18
Юрка скрывается	24
Что сказал Коршун	36
За порохом	38
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Альберт Иванов

Деревянный хлеб

Повесть

Пять ослепительных минут он жил, как безумный, сразу в двух мирах. Неразделимо и безнадежно смешались в нем двенадцатилетний мальчик и тридцатидвухлетний мужчина.

Ф. Скотт Фицджеральд.

«Три часа между самолетами»

Следователь спросил:

– Вы понимаете, что чуть не убили его?.. Вы знали его раньше?

Он не сразу ответил:

– Давняя история... Это началось в тысяча девятьсот сорок седьмом году...

Где они жили

Город стоит у реки, на высоких овражистых холмах. По холмам взбираются домики. Над домиками торчат остовы колоколен и соборов Митрофановского и Алексеевского монастырей, огрызки заводских труб, похожие на минареты, и развалины бетонного элеватора: своей махиной они прида-

вили все вокруг, даже дом Саньки. А выше города – только серое, голубое или белое небо и желтое солнце, когда оно есть.

Санька с мамой и бабушкой жили на горе, в кирпичном доме. Он был очень большой – четырехэтажный, еще дореволюционной постройки. Высоченные потолки да еще крутая крыша. Такие большие дома обычно называют зданиями. Но жильцы называли казармой.

В казарме обитал кто попало: кто туда попал – если точнее. И рабочие, и служащие, и продавцы, и даже один случайный сапожник, почти что миллионер.

Дом был бесконечный – в триста двадцать два Санькиных шага.

Вечером, при свете единственной лампочки, концы узкого коридора скрывались в космической тьме. Страшно идти вечером в уборную – надо строго держаться середины коридора: у ста дверей, слева и справа по пути, стоят вверх дном звонкие мусорные ведра. Заденешь – не оберешься грохоту!

Только один человек, пожалуй, не боялся ходить в темноте по коридору – сапожник. Когда он веселым возвращался домой, каждое ведро салютовало его приходу, и он с колокольным звоном шествовал к своей комнатухе.

Лампочки в уборной не было, и Санька отрывал от обитой толем двери клочок смолья на факел. Толь ярко вспыхивал и чадил. Пламя шевелил ветер, вползая сквозняком через пролом от снаряда. Стены были необыкновенной толщи-

ны, и сапожник утверждал, что даже не проснулся при прямом попадании снаряда в казарму. «Укус клопа сквозь ватное одеяло, – говорил он. – Не дом – дот!»

Отца у Саньки не было. Отец погиб на фронте, когда Саньке только исполнилось пять лет. Но мама и бабушка столько о нем рассказывали, что Саньке казалось: он даже помнит, как отец, отмечая институтский диплом, на радостях заснул в шкафу. Хотел сделать гостям сюрприз – пусть поищут. Его с трудом нашли утром. Это случилось в 1933-м, а Санька родился в 1936 году.

Мама работала в библиотеке, а бабушка трудилась дома. Она каждый день мыла общую кухню, величиной с маленькое футбольное поле, весь бесконечный коридор и шесть ступенек лестницы до подъезда. Все хозяйева на их первом этаже платили ей в день за труды по пятнадцать копеек. 15 копеек $\times$ 100 = 15 рублей, по-сегодняшнему – рубль пятьдесят. А в месяц значит, выходило 15 рублей $\times$ 30 = 450 рублей. Мама получала на две с половиной сотни больше, но она работала весь день, а бабушка управлялась часа за четыре. Да еще исправно приходила небольшая пенсия за отца – жить можно.

Бабушка иногда уговаривала маму выйти замуж: «У тебя столько знакомых, Нина. К тебе ведь мужики ходят в библиотеку, ты как на бугре».

Мама ничего не отвечала.

Бабушка начинала ворчать, но видно было, что она довольна. Больше всего на свете бабушка, наверно, боялась,

что мама вдруг выйдет замуж и она останется одна.

Она была старшая, и Санька с мамой должны были ее слушаться. Когда бабушка хотела настоять на своем, она всегда смотрела на портрет Санькиного отца, и получалось так, что будто бы они это решили с ним вдвоем. Ведь он же был ее сыном.

Ребят в доме жило множество: одних пацанов человек сто. Поэтому мальчишки других, не таких больших домов с ними не связывались. Против целой армии не поперешь!..

Но объединялись ребята только в особых случаях. Разби-ли однажды пацаны соседнего барака одно из двух окон в коридоре казармы – с ног сдувает! – так им в бараке все стекла расколотили. Потом взрослые обоих домов передрались. Да и начали пороть своих сыновей. Почти из-за каждой двери рев несся, дом зычно вопил ста глотками, шлепанье ремней сливалось в какой-то барабанный гул – люди на улице останавливались. Саньку тогда пороть не стали, но бабушка сказала: «Ты тоже ори, от соседей неудобно...»

А обычно армия ребят делилась на свои группки, компании друзей-одногодков. Ну конечно, в компанию мог затеяться кто-нибудь на год младше или старше, но не больше. Пятнадцатилетние считали тринадцатилетних молокососами, а те – одиннадцатилетних, а они – десятилетних – и так вплоть до самых что ни на есть грудных детей.

Его друзья

У Саньки был только один друг в доме – Витька Коршун, по прозвищу Коршун. В этом году он перешел в пятый класс и имел свидетельство об окончании начальной школы, отпечатанное на хрустящей денежной бумаге с разводами. Его семья недавно вернулась из Польши, где отец, пока не демобилизовали, служил в саперных войсках. Там Витька учился в специальной русской школе, сначала в самой Варшаве.

«В Праге еще ничего, – говорил он. – А вся Варшава разрушена похлеще нашего!» Их-то город был разрушен почти полностью. «В какой еще Праге? – смеялись ребята. – Прага в Чехословакии!» – «Неучи географические, – усмехался Коршун. – Это другая Прага, Варшавский пригород. Поихнему, предместье. У поляков город называется «място», вроде нашего «место». Дошло? Дзенькуе бардзо, панове, – и важно переводил: – Большое спасибо, товарищи».

Коршун был известен всем пацанам своим обгорелым пухом. Кожа на животе у него коричневая, сморщенная. Такую кожу ребята видели в бане у бывших танкистов.

«Немцы много мин в Варшаве оставили, – рассказывал Витька. – Мы их с саперами разряжали. И я раскопал заряженный огнемет, сбоку провололочка, заденешь – как полыхнет горючей смесью на двадцать метров – одни угольки! Я

проволочку перерезал, а вторую, дурак, не заметил! Вот и задело слегка».

«Врешь?!» – изумлялись ребята.

«Я же не говорю, что мне за это медаль дали, – усмехался Витька. – Не дали мне медаль, не дали. А говорите, вру...»

Но Саньке по секрету рассказал, что и почему. Русские мальчишки там делали взрыв-пакеты: насыплют пороху в газету, сомнут в шар, гвоздем дырку провертят, туда кусочек фосфора от зенитного патрона – и кидай. Как ахнет! И дыму!..

А учитель однажды их заметил, Витька сдуру и сунул взрыв-пакет за пазуху... Еле его потом загасили. «Думал, в ключья меня разнесет, – странно хвалился он. – Обошлось. Заряд слабый. В другой раз помощней сделаю!»

Второй Санькин друг, Юрка Куницынский, жил во дворе Алексеевского монастыря. «В склепе феодала», – как любил говорить книголюб Юрка. В самой настоящей «усыпальнице действительного тайного советника князя Н.Б. Григорьева». Там еще внятные следы от бронзовых букв остались. Семейство у этого князя было большое. Юркин отец, инвалид, когда пришел с фронта, два дня надгробные памятники выкорчевывал. Оставил только мраморного ангела в углу, с бронзовой надписью на плите постамента: «Спи спокойно». Раньше Юрка с мамой ютились в землянке, а отец забрал их и переселился в княжеский склеп, соорудил печку, сколотил топчаны, а стены и пол наглухо закрыл дощатыми щитами,

кругом же сплошной мрамор. «Холодина, как в могиле! – ругался отец-столяр. – Зато на нас не капает».

В этом году, как и Сенька, Юрка перешел в четвертый класс. Он был круглым отличником. «Главное – знания, – говорил он. – Я вот уже «Трех мушкетеров» прочитал, а их, слышал, в институте учат!..»

Юрка был помешан на книгах, даже в кино почти не ходил, деньги на них собирал. У него на полке уже четырнадцать книг: «Избранное» Г.Уэллса (очень интересная), «Зверобой» Ф.Купера (очень интересная), «Черная Индия» Жюля Верна (очень интересная), «Человек-амфибия» А.Беляева (очень интересная), «Гамлет» В.Шекспира (неинтересная), «Дети подземелья» В.Короленко («Это про меня», – говорил Юрка), «Робинзон Крузо» Д.Дефо (самая интересная) и еще какие-то совсем неинтересные... А «Трех мушкетеров» дал им почитать на одни сутки четырнадцатилетний «кровопивец» Колька Пожарин, тоже с первого этажа казармы. Дал на сутки за три рубля. Деньги Юрка, Санька и Витька собрали вместе и читали по очереди. Весь день. Санька и Витька не дошли до конца, а Юрка успел: ему книга еще и на ночь по жребии вышла. У Санькиной мамы в библиотеке были сотни книг, но этой... Там вообще одни скучные взрослые книги. А уж Александр Дюма и не снился. Редкость!

У Саньки дома тоже было много книг: двадцать шесть и брошюры. Но это мамины книги, научные, а хороших только три: «Таинственный остров» Жюля Верна в трех томах

(очень, очень интересная).

На книжках Санька с Юркой и подружился, а потом подружил и Витьку с Юркой. Услышав фамилию Куницынский, Коршун с уважением сказал:

– Польская. Может, ты поляк?

– Нет, я русский, – обиделся Юрка и на всякий случай добавил: – Чистокровный.

– Чистокровными только лошади бывают и псы, – заметил Витька. – Верно, родом из поляков, но только об этом не знаешь.

– И отец не знает? – вспыхнул Юрка.

– И отец, – настаивал Витька. – Из глубины веков пришло... А ты не злился, поляки тоже с фрицами здорово воевали. С саблей против танков!

Подружились с Юркой на книжках и из-за них же чуть не поссорились. Нехорошо вышло.

Стоял тогда Санька на обжигающем куске льда среди других таких же мучеников. Он стискивал зубы, кривясь, и старался не поднимать пальцы ног, потому что болельщики ложились на землю и пристально следили: нет ли зазора между подошвами и льдом, вдруг кто-то жилит, держась только на пятках.

Возле базара в длинном приземистом доме размещалась артель инвалидов, которая делала, кажется, ячменную брагу. С огороженного двора всегда тянуло резким запахом брожения. Сквозь щели в заборе был виден цементный бассейн, за-

полненный жомом – густой коричневой кашей отходов. Она дышала и пузырилась. Пригородные совхозы присылали сюда телеги с огромными железными корытами за жомом для свиней. А еще сюда постоянно приходила летом полуторка городского холодильника с увесистыми ледяными глыбами: отжатый из распаренного ячменя сок необходимо охлаждать. После разгрузки машин у ворот оставались небольшие, истекающие прохладой куски льда. Пацаны становились на них босиком: кто дольше всех простоит, тот победитель – самый стойкий, самый выносливый. Так, казалось бы, из ничего и возникали послевоенные игры мальчишек.

Стоял вот так, терпел Санька как на раскаленной сковороде.

Один соперник не выдержал, сошел. Затем – другой.

Над ними смеются. Они что-то доказывают. Кто-то, оправдываясь, показывает всем царапинку на подошве.

Сверху припекает солнце, снизу – лед. Нет, не выдержать, никак больше не выдержать. Не победить Саньке еще трех очумело застывших напротив мальчишек. Летом все пацаны ходили босиком, а эти, наверно, и зимой босые шлялись! Если б сейчас был конец каникул, а не начало, он бы им доказал – к осени подошвы становятся задубелыми, твердыми, как дерево. Жаль, правда, что не у него одного. Сколько ж можно терпеть! Досчитаю до пяти – и все! Один, два, три...

Тут, к счастью, и появились из-за угла Юрка и Витька, машут ему: скорей сюда!

Санька как бы нехотя сошел со льда, не ощутив земли, а лишь чувствуя, как, покалывая, слабеет пожар в ногах. Он заковылял к друзьям, оглядываясь на болельщиков и разводя руками – ничего, мол, не поделаешь, срочные дела.

Дела и впрямь оказались срочными. Он даже про ноги забыл. Друзья сообщили, что какой-то пацан с ходу продаст «Избранное» Уэллса: «Война миров», «Человек-невидимка» и фантастические рассказы.

– Как у тебя? – обрадовался Санька, взглянув на Юрку. У того ведь была такая же книга, и он ему страшно завидовал.

– Ага. Только подержанная.

– За сколько?

– За ту же цену, – как-то озабоченно ответил Юрка.

Санька сразу помчался к матери на работу и выклянчил деньги. Не то чтобы она не одобряла его собирательство книг, а по-своему разумно считала: зачем тратиться, когда в его распоряжении целая библиотека, где она работает. Но ведь хорошая книжка – не чужая, а своя! – вызывает особое чувство: ее можно в любой момент перечитывать, листать, любоваться – и просто знать, что она постоянно стоит на полочке этажерки. Даже ночью всегда при тебе. Да и в библиотеке книги нудные.

Мать отругала его за то, что он пришел босым. Еще подумают: ему надеть нечего, а дома новые сандалии давно стоят. Но ведь было уже тепло и все мальчишки так ходили. Не в кино же он заявился: туда без сандалий нельзя – ноги отда-

вить могут.

Ребята поджидали его на улице у входа в библиотеку.

– Достал? – деловито спросил Коршун.

– Вот! – показал деньги Санька, уже предвкушая, как возьмет желанную книгу в руки. – Пошли.

Но Витька напустил загадочного тумана: мол, мальчишка тот незнакомому продавать не станет, и вообще он живет у черта на куличках, книга не его, еще надо вынести ее тайком от родителей... Короче, Санька получит Уэллса только вечером, а если по какой-либо важной причине покупка не удастся, он, Виктор Коршунов, вернет ему деньги.

– Ты что, не веришь? – насупился Витька, насмешливо глядя на него.

Санька хотел было отказаться, сказать, что на таких условиях мать запретила бы ему это делать, но, исподлобья взглянув на выжидающие лица друзей, нехотя отдал деньги.

Витька с Юркой повернулись и молча зашагали по пыльной улице.

Неожиданные трудности только разожгли нетерпение. Весь долгий день Санька слонялся по городу сам не свой, надеясь как бы невзначай встретиться с друзьями: и возле их домов походил, и на реку смотался, и все безуспешно. Уже не о книге он думал – о деньгах. Как бы не пропали! Ну и влетит, если тот пацан вдруг надует Витьку!

Однако к вечеру Коршун принес обещанную книгу, вручил и почему-то сказал:

– Ты ее береги.

– Я все книги берегу, – весело обиделся Санька. – Каждую в белую бумагу оборачиваю.

– Вот-вот, и ее в белую оберни, – посоветовал Витька. И пошел.

– Спасибо! – крикнул вслед Санька.

– Не за что, – вежливо откликнулся Коршунов.

Когда мать вернулась с работы, Санька похвастался книгой.

– Вполне в приличном состоянии, – определила она. – Только кое-где подклеить надо.

И умело сделала все сама.

Той книгой Санька владел дней десять. Как-то утром он снова стоял у артели на куске льда, вновь появились Витька с Юркой и опять, к счастью для его ног, отозвали в сторону.

– Бери деньги – неловко протянул мятые рубли и трешки нахмуренный от смущения Юрка. – И верни Уэлса.

Санька попятился и спрятал руки за спину, растерянно бормоча:

– Почему?.. Ни за что!

Тогда Коршун отвел его в сторону и выложил всю правду. Оказалось, Юрка проиграл Пожарину в азартную игру «орел или решка» большие деньги – 15 рублей. Пожарин по-хорошему предупредил: через день не вернешь долг, буду бить, пока честно не рассчитаешься. А откуда взять? Наскрести только пятерку. А остальные? Юрка и набрел на спаситель-

ную мысль – продать Саньке свою книгу, а затем... выкупить. Можно было, конечно, загнать Уэллса чужому, но чужой ведь не вернет, когда Юрка вдруг разбогатеет. А тут приехала сегодня Юркина тетка из деревни и подарила ему червонец на кино и мороженое. Такая удача! Понятно?

– Не верну! – упорствовал Санька. – Если на то пошло, я его выручил!

– Ты бы выручил, – с иронией протянул Витька, – если б не книжка.

– Да откуда у меня деньги? – возмутился Санька.

– Именно – откуда? Что, пошел бы к мамочке и попросил: Юруля в орлянку проигрался, выручи его! Она бы тебя так шуганула! Вот и Юрка, и я тоже не могли у своих попросить.

На это возразить было нечего. Но Санька решил не сдаваться.

– Все равно нечестно. Уговор дороже денег!

– Что ж ему теперь, без Уэллса быть? – вконец рассердился Коршун. – Ты себя на его место поставь, пся крев!

– Ну, поставил. Я бы обратно требовать не стал. И вообще, я столько не проигрываю.

– А все-таки, – настаивал Витька.

– Иначе дружба врозь! – напряженным голосом крикнул издали Юрка.

И Санька сдался.

Правильно мать говорит: «Ложь порождает ложь». Через день она заметила, что на полке нет Уэллса. Санька проям-

лил: дал почитать товарищу, ты его, мол, не знаешь.

А еще два дня спустя робко сказал:

– Украла у него.

– Что украла?

– Уэллса... Он в горсаду на лавочке читал и забыл. Вернулся – нет. Стырили.

– Не стырили, а украла.

– Я и говорю – украла! – в отчаянии повторил Санька. И торопливо полез в карман: – Он и деньги за нее вернул, все до копеечки. Ты не бойся.

– Да не боюсь я, – внезапно рассмеялась мать. – Жалко, ты без книжки остался. – И неуверенно сказала: – А деньги, не знаю, удобно ли, что ты их взял...

– Удобно, удобно! – замахал он руками. – У него отец много получает, всегда на книжки дает. Он в порядке.

Мать помрачнела, отвернулась и глухо произнесла:

– Деньги себе оставь. Может, где увидишь такую же и купишь. Или другую. Я тебе всегда на книги буду деньги давать, – и резко вышла в коридор.

Санька удивленно глянул ей вслед.

Только теперь, уже взрослый, он, вспоминая, понял, почему она так поступила.

Страшный человек Пожарин

Утром им довелось пойти, как обычно, купаться на весь день. Родичи послали их собирать молодую крапиву для супа.

Они спускались к реке по крутой и длинной, как бы семенящей коротеньким шажком, лестнице.

Сколько ракушек! Пустые, шершавые, пронзительно-белые изнутри, высятся они кучами по обе стороны лестницы. Ракушки шелестят, поют на ветру. Ракушки похожи на беззубые раскрытые рты, вымытые временем до самых костей. Не повезло им в те самые длинные четыре года – от сорок первого до сорок пятого. Перед войной на мелководье у моста они лежали вроде бы недвижно, с куцыми хвостиками своих теней. Их спины обрастали водяным мхом, мягким, как птичий пух. Но по дну за ними извилисто тянулись следы бесконечных путешествий. Ракушки были подвижны в своей неподвижности, словно жили в другом измерении. Попав в соленый кипяток, они испуганно, с чмоканьем раскрывали створки. И нож выворачивал наружу их слизистые упругие тела.

На берегу оставались костяные кучи, а редкие извилистые следы их уцелевших сородичей вели с мелководья на глубину. Во время войны ракушки научились ползать быстрее, затаиваться на дне затонов и недоверчиво выжидать. Возмож-

но, они и знали, что война окончилась, но все же избегали риска. Сколько человек спасли они от голода – кто сосчитает! Их опять стало много только год спустя.

Бесчисленные изломы воды сверкали мгновенными вспышками, по зыбкой плоскости реки полз черный квадрат парама.

Крапива была замечательная, густая, кустистая! Сплюсненные ее ветки, будто отштампованные прессом, просовывались между узкими ступеньками деревянной лестницы, семенящей с холма к реке. Вероятно, крапива выросла за ночь. Кто же заметит под лестницей?..

– Чур моя! – завопил Санька, размахивая пустым мешком. – Я первый увидел!

Ребята заглянули под лестницу. Вверх и вниз под ней простирались дремучие джунгли. Желтые линии солнца, падающего сквозь щели ступенек, перечеркивали крапиву, словно пошинковали на ровные доли. Молодая, нежно-зеленая на свету.

– Молчок! Ни-ко-му! – сразу предупредил Витька Коршун.

Они стали рвать. Крапива напрасно сопротивлялась изо всех сил, и Санька чувствовал, как под землей лопаются от напряжения нити ее корней. Обстреканные руки покраснели и покрылись мелкими белыми волдырями, твердыми на ощупь.

Ребята наполнили мешки и начали карабкаться к дому по

косогору – наискось ближе. Дом вырастал в небо, и скоро уже можно было различить каждую кирпичную завитушку на его фасаде.

– И сразу на речку, – пыхтя, сказал Витька.

На обресе холма сидел четырнадцатилетний «кровопиец» Колька Пожарин, он сосал огрызок белого сахарного турнепса, чтобы растянуть удовольствие, и похлопывал палочкой по голенищам своих сапог. Рядом лежал, опершись головой на локти, лупоглазый Ленька Пашков, по прозвищу Рыба-лоцман. Когда он где-нибудь появлялся, – жди Пожарина. Высматривал, вынюхивал и бежал шептать своей Акуле.

– Крапива? – деловито спросил Пожарин и развернул свой пустой мешок. Встал и встряхнул его. – Каждый вали, чтоб полный.

Ребята стояли и смотрели на него снизу вверх.

– А ты сам, а ты сам!.. – вдруг заверещал Юрка и умолк.

– А до речки далеко, – лениво сказал Пожарин, прищурившись. Еле заметно дрожали уголки век. – Далек катиться. Пинок правой – и там! Ну? Давай сюда!

Он вырвал мешки из безропотных рук, набил до отказа свой, пузатый, а похудевшие, раскрутив, бросил вниз. Мешки повисли на кустах бузины. Рыба-лоцман загоготал.

– Дзенкуе бардзо, – мрачно сказал Витька.

Ребята глядели, как удалялся грабитель Пожарин. Сначала верхний край косогора скрыл его по пояс, потом по шею

– голова была словно отрубленная – и исчез.

– Ладно, айда за мешками, – шевельнул желваками Коршун.

И опять пришлось рвать крапиву.

... Бабушка скоблила ножом добела половицы в коридоре.

– Во сколько! – похвастался Санька. – Мировая крапива!

На, а я пошел.

– Домой отнеси, – рассердилась бабушка. – Куда на мокрое кидаешь?

Когда Санька нес мешок к себе, вновь увидел Пожарина.

Он стоял у своей двери и торговался с мамашей:

– Дай трояк на кино.

– Другие уже работают, – безнадежно выговаривала ему невидимая за полуоткрытым входом мать.

– А я?.. Крапивы сколько! Все руки пожег! А хлебные карточки кто достает?!

– Сядешь ты, – понизила голос мать.

– Жди-жди, дождешься, – угрюмо сказал Пожарин. – Плакать будешь.

– Буду, – как-то безответно согласилась мать.

Санька прошел мимо них к себе и толкнул свою дверь.

Тут многие не запирались, если были в доме: на кухне или еще где поблизости.

– Духовушку дай пострелять, – крикнул Саньке Пожарин. – Пульки есть.

– Вечером, – жалобно отозвался Санька. Духовое ружье

было единственным его сокровищем.

– Учти, Санька, я устал ждать. – И Пожарин, получив три рубля из протянутой руки матери, зашагал к выходу.

Он и прежде то на день выпросит ружье, то на два, а недели две продержит. Отдавал – когда Санька бабушкой пригрозит: хватились, мол, дома, где оно?..

Как ненавидел его Санька!.. Он бы его убил, если было бы из чего, если бы за это ничего не было потом и если бы он смог, вот так смог убить человека, пусть даже и Пожарина. Санька не знал, как это сделать, и смутно чувствовал, что это невозможно, но все равно думать об этом было приятно. Пожарин был старше всех ребят, живущих в казарме. И Санька так его боялся, что тот даже снился во сне в компании с «фиксатой» шпаной, с которой водился наяву. Компашка эта, к счастью, постепенно редела: сажали то одного, то другого за всякие дела.

Страшный человек Пожарин! Сейчас-то вдуматься – ему было всего четырнадцать. Но тогда – уже четырнадцать! Старше на целых три года! Сильнее вдвое. Вчетверо. В неизвестно сколько! Он мог с Санькой сладить одним мизинцем. Десять пальцев Саньки наверняка сильнее одного мизинца даже Пожарина, но не забывай: мизинец Пожарина соединялся с сильной рукой, он – маленькая часть большого Пожарина. Хочешь сейчас, через много лет, увидеть его вновь? Сфотографируй хоть сам себя, отпечаток любого мужчины на фотопленке напомнит тебе его сразу. Эти лица на нега-

тиве, где все наоборот: белое – это черное, черное – белое, белые волосы и белые глаза, черное лицо и черные зубы.

Он всегда будет бояться его – Санька. Страшный человек навечно останется для него большим, сильным и страшным. Стоит только мысленно вернуться в те далекие дни, вот он – сразу захолонет сердце, и по спине прошмыгнут ледяные мурашки. А узнаешь ли его? Да. Это он. Любое мужское лицо на негативе.

Неужели были такие люди, которых боялся сам Пожарин? Не было таких. А если и были такие, то их не было, раз не сохранила память. Живо только то, что помним. Он помнил. Белые глаза? Черный скошенный зуб? Лицо на негативе.

Страшный человек Пожарин – сапоги, брюки с напуском, большая гимнастерка с подворотничком, пришитым черными нитками. Улыбка белых зубов до черноты – на солнце.

Юрка скрывается

Неподалеку от Санькиного дома, напротив заново отстроенного трампарка, нетронуто простирались развалины элеватора. Это был словно свой город в разрушенном, разбро-санном городе – как монолит, единое целое. Повсюду громоздились серые рваные глыбы бетона, красные кирпичные груды, согнутые стальные балки в окалине, скрюченные рельсы, ржавая арматура, горы белесого щебня... Местами развалины вздымались из общего хаоса на несколько этажей неприступными скалами.

Порой здесь особенно резко свистел ветер, летящий с холмов к реке, и тогда повсюду хлопали и хлюпали ключья листового железа, звенели голые металлические прутья, неслись какие-то гулкие вздохи из чугунных труб – в этой сумятице разнобойных звуков чудились бормотания чьих-то голосов, шум и перестук загадочной работы, идущей, казалось, где-то под землей, в потаенных засыпанных подвалах.

Темными вечерами Санька страшился даже проходить мимо, огибал стороной. Развалины вздымались утесами, в сквозных окнах холодно мигали звезды, точно далекие огоньки в глубине бескрайних помещений. Луна будто вылезала прямо из щербатой массивной трубы, торчащей в небо.

А днем сюда иногда забирались и шныряли пацаны, добывая цветной лом: медные краны, свинцовые кабели, оловяня-

ную проволоку, цинковые пластины... За все это прилично платили на приемном пункте вторсырья – не то что за обычные железяки.

В одну из таких вылазок Санька с Юркой случайно набрели в лабиринте развалин на глухую бетонную комнатку с круглым проемом узкого входа, рядом с ним валялся сорванный с петель люк. Странно, что тут никто не жил. Впрочем, ничего странного – попробуй разыщи! Они сделали комнатку своим тайным убежищем: застелили пол травой, сколотили из обломков досок что-то вроде столика и пары табуреток, и получился у них штаб не штаб, а как бы каюта. За входом-иллюминатором свистел в синей выси ветер, раздувая невидимые паруса, скрипели снасти, звякала корабельная оснастка, и казалось, что каюта покачивается на бегущих волнах. Свое убежище они скрывали от чужих и своих, прятали в нем найденную медь и свинец, полеживали там на сене, глядели на круглый клочок неба и вслух мечтали о том, как станут моряками. Непременно военными. Кажется, в Ленинграде или в Одессе есть военно-морское училище, после школы они поступят туда и будут курсантами. О вступительных экзаменах и наверняка небывалом наплыве желающих Санька и Юрка как-то дружно умалчивали. Зато они охотно, с мучительной приятностью, предвкушали, как вернуться домой на каникулы – в бескозырках, тельняшках, бушлатах и в брюках-клешах с широким ремнем и пряжкой, на которой пылает якорь.

Пожарин, завидев их, лопнет от злобной зависти! А когда они станут офицерами и им доверят носить кортик, Пожарин вообще исчезнет, трусливо прячась и стараясь не попадаться на глаза. Сразу докумекает: с вооруженными людьми лучше не связываться.

– Да что там! – восклицал Юрка. – Прикажу любому милиционеру, враз его арестуют – и в тюрьму! Я офицер, значит, могу запросто приказать.

– А за что арестуют-то? – осторожно засомневался Санька.

– Как – за что?! – изумился Юрка. – Кто у нас крапиву отнимал? Кто нам не давал проходу?

– За это не сажают, – с сожалением ответил Санька.

– Ну, а за карточки? – И Юрка сам себе ответил: – Совершенно свободно могут посадить!

– Могут, – кивнул Санька.

Хлебные карточки, которые не раз у них отнимал Пожарин, – дело серьезное. Еще хуже, чем кража. Если узнают, по головке не погладят. Уж лучше что-нибудь из одежды стянуть, легче влетит.

За хлебом на всю семью – сколько человек, столько и карточек, – обычно посылали ребят. Это была утомительная, но и приятная обязанность. Хоть и отстоишь долгую очередь, зато потом можно съесть довесок. Хлеб-то был весовой, сразу точно не взвесишь. А еще можно и отрезать себе ломтик, если на семью из трех человек выходит неполная буханка.

От целой же отхватить кусочек – сразу заметно.

У Пожарина, как у всякого подлеца, была своя система. Он брал у запуганных младших пацанов только иждивенческие хлебные карточки, на которые давали меньше, чем на рабочие. Значит, и наказание жертвам будет меньше – не выдадут. Как-нибудь отвертятся, скажут, что по пути домой не удержались и свою личную долю слопали. Карточки были сроком на месяц, с талончиками на каждый день. Одних мальчишек Пожарин обирал в первых числах, других в дальнейшие дни – купит хлеба по чужой карточке, затем ее вернет. Хуже приходилось тем, кто, по системе Пожарина, попадал на конец месяца. Он мог запросто присвоить себе карточку с талончиками аж на два последних дня. Тогда его жертвы ввали родителям, что потеряли.

Где-нибудь в маленьком поселке его метод не прошел бы – там продавщица всех в лицо знает. Враз бы заметила чужие фамилии. А в городе-то ей что – людей много. Отрежет талончики на сегодня, наклеит их на отчетный лист и продаст любому сколько положено. Граммов триста всего – на иждивенческую, зато по законной, а не спекулятивной, как на базаре, цене.

Никак не минуешь поборов Пожарина, будешь реветь в три ручья за углом магазина, а потом дома и будешь молчать о Пожарине... Мама, мама, не посылай в магазин, опять потерю. Мама, мама!.. Молчи, все стерпи, иначе не будет тебе жизни на улице. Радуйся, не скоро наступит вновь твоя

очередь! Пусть ревут другие, ожидая дальнейшую свободу от дани, широко ограниченную четырьмя замечательными неделями. Пожарин жесток, но справедлив, он не ошибается, он хорошо помнит: у кого – когда – справедливый человек. Он станет приветливо здороваться при встрече и ободряюще похлопывать по плечу: если кто тронет, скажи мне!

Надежный защитник. Нарвутся на тебя чужие ребята, не жале́й глотку: только троньте, Пожарину скажу! Отвяжитесь, Пожарина позову! Слышите? Большого сильного человека с нашей улицы, из нашего дома...

Витьке Коршуну они свою каюту пока не показывали.

Как-то пришли и обнаружили: кто-то мазутом исчеркал все стены ругательствами, словно в уборной. Не соскоблишь.

Санька читал, что вот так лисы выживают чистюль-барсуков из нор. А лисы занимают освободившуюся жилплощадь. Да только они, хитрюги, потом убирают за собой, а здесь тот проныра, кто это сделал, сам теперь не станет бывать. Противно.

С тех пор Санька с Юркой и не приходили в каюту.

Однажды Юрка пропал. Исчез. Испарился.

Вечером явилась к Саньке Юркина мать, чуть не плачет: послала за хлебом, магазин давно закрыт, уже темно, а он все еще не вернулся. Отец по городу бегаёт, то и дело домой заглядывает, но Юрки нет и нет. Может, Санька что знает, они же дружки?

Санька сразу понял, в чем тут причина. Сегодня – Юркин

день очередной дани Пожарину. Боится без хлеба домой идти, прячется где-то. А что, если?..

– Я не знаю, – промямлил Санька. – Могу поискать.

– Поздно, – встревожилась бабушка. – Сам потеряешься. Я с тобой пойду.

– Тогда я не пойду. Еще чего! Будешь меня за ручку водить!

– Пусть сам, – взглянула на Саньку мать.

– Да я не один, – оживился Санька. – Я Витьку позову. Со мной отпустят.

– Ну, разве что с тобой... – усмехнулась бабушка.

Юркина мать заспешила к себе: вдруг он придет, никого не застанет и уйдет родителей искать?!

Витьку с Санькой и впрямь сразу отпустили. Правда, его отец тоже собрался было увязаться за ними.

– Дзенькуе бардзо, – хмыкнул Витька. – Большое спасибо. И отец остался.

Санька повел Витьку к элеватору, торопливо рассказывая про каюту.

Вдвоем было не так страшно в развалинах. Тем более Коршун захватил с собой трофейный немецкий фонарик «Diamond». Мировой фонарь! Никелированный рефлектор. Почти плоская лампочка, стеклышко у нее сверху лепешечкой. А главное, батарейки не нужны. Снаружи торчит специальная скобка на рычажке. Жмешь на нее пальцами, фонарик жужжит, и вспыхивает свет. Двойная польза: и ток да-

ешь, и силу кисти развиваешь.

Луч фонарика выявил из тьмы вздыбленные руины, сверкали осколки стекол и обрывки жести; бездомная собака очумело бросилась прочь.

– Дай мне, – переводя дух, попросил Санька желанный фонарик-жучок. – Ты все равно дорогу не знаешь, показывать надоело. Я сам быстрее найду.

Чутьочку подумав, Витька дал.

Свет на мгновение померк, и Санька, вовсю нажимая на рычажок, снова раздвинул темноту. Теплый фонарик басовито ворчал в его руке, и он готов был вот так нажимать и нажимать пусть всю ночь до онемения пальцев.

– А Пожарину это припомнится, – вдруг произнес Витька, карабкаясь по осыпающейся каменной куче.

– Нет, – уныло возразил Санька. – Юрка его тоже не выдаст.

– Что же, прикажешь мне за вас отвечать? Меня-то с карточками Пожарин не трогает.

– Еще увидим, – многозначительно заметил Санька.

Дорогу-то он знал хорошо, но пришлось поплутать: даже при свете фонарика развалины выглядели непривычными, чужими и, несмотря на присутствие Витьки рядом, зловещими.

Наконец они добрались до входа в каюту. И хотя Санька был на все сто уверен, что беглец там – куда ж ему еще деться? – все-таки оторопел, когда внезапно донесся дрожащий

голос Юрки:

– Кто т-там?

– Мы там! – рявкнул Коршун.

Сначала Юрка трусливо всполошился, затем обрадовался, признав своих, вновь испугался, боясь, что друзья привели родителей, снова обрадовался, поняв, что они одни. Неожиданно стал хныкать, сбивчиво бормотать про карточки, проклинать Пожарина и клясться: домой не пойду, отец выпорет, навсегда здесь поселюсь, ну и жизнь пропащая!

– Пошамать не захватили? – вдруг деловито спросил он. – Хоть хлеба кусочек, а?

– Хорошо тебе! – возмутился Коршун. – Сам хлебом швыряется, словно лишним!

Юрка опять забубнил:

– Это тебе хорошо, ты Пожарина плохо знаешь, легко тебе говорить, а на моем месте...

– На твоём месте, – перебил его Витька, – фигу бы он от меня получил, а не карточки.

Юрка горестно поник.

Коршун забрал у Саньки фонарь, осветил каюту и неожиданно похвалил беглеца:

– А ты смелый... Не сдрейфил. В этой камерке – как в большом гробу.

– Мне не привыкать, – сразу приободрился Юрка. – Дома поначалу тоже было страшно.

Коршун, вероятно, как и Санька, вспомнил о склепе фео-

дала, где жила Юркина семья, и неопределенно произнес:

– Да уж...

– А как там мои? – спросил Юрка.

– Ну... – замялся Санька.

– Нет, не пойду! – вновь решительно заявил Юрка. Он настолько переживал, что только сейчас заинтересовался фонариком: – Сила! Можно подержать?

– Держи, отшельник.

Юрка восторженно зажужжал фонариком, повторяя:

– Силен!.. Там моторчик, да?

– Моторы от бензина работают или от электричества, – снисходительно заметил Коршун.

– Ну, и он – от тока.

– Ты сам ток даешь. Ручной привод на генератор, – важно разъяснил Витька, – а попросту – на маленькое динамо.

– Откуда знаешь? – шмыгнул носом беглец.

– Моя же вещь, – ответил, удивляясь его наивности, Коршун.

– Ни за что не вернусь, – снова вспомнил беглец свое горе.

– Слышал? – обернулся Витька к Саньке. – Раз он так часто твердит, значит, домой вернется. Проверено, – протянул он.

– Дома бить будут... – тяжело вздохнул Юрка.

– Не будут, – отрезал Коршун.

Он сказал так уверенно, что Юрка тут же заторопился домой, цепляясь за спасительную надежду: Витька вроде бы слов на ветер не бросает, не тот человек.

Коршун помедлил, рассуждая о том, что можно, конечно, Юрке и остаться в каюте на месячишко-другой. Родителей, мол, тоже проучить неплохо, чтобы не давали волю рукам, завели, понимаешь, манеру: чуть что – драться. Можно и еду Юрке тайком приносить: картошку вареную, хамсу, хлебные довески, воду в бидоне, то-се...

Юрка притих. Такое будущее, очевидно, его не очень-то устраивало.

– А лучше бы ему в тюрьму угодить, – насмешливо продолжал Коршун. – Мы бы ему на законном основании, не скрываясь, передачи носили. Ладно, не бойся, – закончил он, важничая. – Последствия, так и быть, беру на себя!

И они двинулись в обратный путь.

Санька тоже подначивал горемыку:

– Зря возвращаешься. Представляешь, сколько бы шуму было! Милиция, собаки-ищейки! Слава какая!

Юрка даже прибавил шаг, всерьез опасаясь, что его вдруг заставят вернуться в каюту ради какой-то славы.

Уже в монастыре, возле склепа, Коршун приказал Юрке спрятаться за деревом.

– А ты со мной, – велел Саньке. – И, чур, помалкивай!

Они поднялись по мраморным ступеням, и Витька постучал в медную дверь, которую только чудом не утащили пациенты в приемный пункт металлического вторсырья.

– Войдите!.. Открыто!.. – донеслись всполошенные голоса Юркиных родителей.

И ребята, приоткрыв массивную дверь, протиснулись внутрь.

Помещение освещала керосиновая лампа. Статуя белого мраморного ангела отбрасывала блики. Родители Юрки встревоженно поднялись из-за пустого стола навстречу.

– Не нашли?.. – тихо сказала мать.

– Его найдешь, – буркнул отец и снова сел. – Плачет по нему мой ремень!

– Не советую, – как-то по-взрослому негромко предупредил Коршун. – А не то он вновь убежит.

– Нашли! – ахнула мать. – Где он? Ничего ему не будет! Ничего!

– Не обманываете? – недоверчиво спросил Витька.

– Слушай, ты что тут распоряжаешься! – взорвался Юркин отец. Но видно было, что и ему полегчало. – Чего он наворил, выкладывай.

– Карточки потерял.

– И только, – просияла мать.

– А голову он не потерял? – усмехнулся отец. – Понятно...

Ремня испугался.

– А вы разве никогда раньше ремня не пугались? – прищурился Витька.

– Я раньше карточки никогда не терял! А он их сколько за один год посеял!

– Да в твоё время и карточек не было, – рассмеялась мать.

– Не было?.. А после Гражданской!

– Хватит! – прикрикнула Юркина мать. И кивнула ребятам: – Зовите бродягу. И сами – по домам! Ваши тоже волнуются.

Витька и Санька вышли во двор.

– Иди, бродяга, – громко сказал Коршун. Юрка появился из-за дерева и неуверенно направился к двери.

– Никто даже спасибо не сказал, – деланно сокрушался Витька. – Воспитаньице.

Утром Юрка бодро пожаловался друзьям:

– Обманщики! Все же отец успел меня ремнем огреть, два раза!

Санька удивился тому, что ответил Коршун.

– Я тебе на всю катушку бы выдал! Сам его довел!

И еще он заявил:

– Карточки Пожарину больше не давайте.

Они согласились: ведь не скоро придется. Легко обещать то, что пока далеко, что будет только когда-то...

Что сказал Коршун

Промчались уже две недели каникул, когда Витька зазвал их вечером в разрушенный собор и сказал:

– Так и быть, беру вас в свою бригаду...

– Развалины расчищать? – сострил Юрка.

– БУСПИН, – таинственно, по буквам, произнес Коршун.

– Согласен! – выпалил Санька.

– На что? – хмыкнул Витька.

– Ага, – кивнул Юрка. – На что?

– На все, – отрезал Санька. – Я на все согласен.

– А ты? – спросил Витька Юрку.

– Смотря на что, – уклончиво ответил Юрка. – Воровать я не согласен.

– Значит, и ты согласен, – убежденно сказал Витька.

– Нет-нет! – испугался Юрка. – Я – нет!

– Уже согласился, – добродушно сказал Витька. – Я так и думал. БУСПИН!

– Бригада... уркаганов... своих... парней... и... на... них? – запинаясь, догадался Юрка.

– На кого – на них? – разъярился Витька Коршун. – У меня одно «Н»!.. А что «на них» – это уж верно, и «свои парни» – тоже верно, и «бригада» – верняк! Только не уркаганов. БУСПИН! – повторил он. – Бригада уничтожения спекулянтов, паразитов и негодяев! Согласны?

– Согласны... – выдохнули пораженные Санька и Юрка в один голос.

– Дзенькуе бардзо, панове, – потряс им руки Коршун. – А я уже думал...

– Я еще вперед него был согласен, – поспешил сказать Санька, – когда еще не знал!

– Три ха-ха, – и Юрка рассмеялся с какой-то дрожью в голосе. – Ну, БУСПИН, а с кем? И как?

– А так! – сказал Витька Коршун. – Завтра идем за порохом. А с кем... я знаю с кем. И вы узнаете.

За порохом

Они шли на дальнюю вырубку, в лес, что начинался за разрушенным СХИ – сельскохозяйственным институтом, и Юрка всю дорогу допытывался у Витьки Коршуна: зачем им порох? И против кого применять: фамилия, где живет, чем занимается? Как следователь!

– Сначала порох, потом фамилия, – не сдавался Витька. – Трусись?

– Трушу. Но когда я трушу, я обязательно делаю. Значит, я смелый. В книгах почитай! Пожарина подорвем? – неожиданно спросил он.

– Подорвем. Только для начала не Пожарина. А можно и его, сделаем бомбочку, кинем ночью в форточку и, пшепрашем пана, просим товарища – ку-ку! – на небо крылышками.

Ребята враз остановились.

– Может, не надо, – робко промямлил Санька. – У него там еще мать и дядька. Не надо, Вить, а?

– С ума сошли! – разъярился Коршун. – Этого он еще не заслужил. Мелкая тварь.

– Мелкая-то мелкая, – немного успокоился Юрка. – А сам перед ним дрожишь, как перед большой.

– Я от злости дрожу, – спокойно ответил Витька. – Я не его боюсь, а за себя боюсь. Вот схватил бы его тогда на бугре за ноги и вниз – он бы шею сломал, а я куда? В малолетнюю

колонию? Охота мне из-за какого-то... Уж лучше что-нибудь придумаю... – последнее он сказал очень уверенно. – Я хочу ему такое выдумать, чтоб он на всю жизнь запомнил! А так пусть живет, верно?

– Да, пусть себе живет, – великодушно согласился Санька.

– Пусть, – разрешил Юрка.

Так они подарили жизнь Пожарину, но оставили за собой святое право мести.

Показались руины СХИ – тихо было здесь, лишь тараторили незримые кузнечики в пыльных зарослях сорняка. Из обрубков дубов торчали осколки, их уже затягивало наростами, более светлыми, чем стволы.

Развалинам не было конца, раньше СХИ занимал несколько кварталов – целый городок: разные факультеты, общежития, столовые, бани.

А вот бани уцелели, окна были наполовину заложены кирпичом – не хватило стекла, по стенам петляли кружева причудливых сырых пятен, из трубы валил дым. На пороге стоял голый человек с полотенцем на бедрах, обмахиваясь березовым веником, как веером, и жадно дышал, от него валил пар.

За банями стоял лес, изрытый воронками и укрытиями для орудий и танков, одиночными стрелковыми ячейками, изломанными окопами и ходами сообщения. Окопы успешно зарастали травой.

По лесу шла неторопливая дорога с глубокими глинистыми колеями, глина была твердая, сухие комочки хрустели

под ногами, как семечки. У дороги, в папоротнике, валялась каска с темной влагой на самом доньшке. Когда-то она была почти полна водой: ярко-желтый на ржавчине круг показывал ее прежний уровень. Из нее выпрыгнула лягушка и за-мерла, готовая драпать без оглядки в любое мгновение.

За каской шумел родничок. Уже по одному его зябкому журчанию было видно, что вода очень холодная. Хлебнув глоток, Санька сразу почувствовал во рту все зубы, как будто их раньше не было вовсе.

Дорога вывела на обширную вырубку. Здесь когда-то стояла немецкая батарея. Тут прежде было много чего подходящего, даже и после войны: снаряды, динамитные шашки, патроны. Потом все вывезли, прошлись с миноискателями, сосны спилили на телеграфные столбы и густо засадили вырубку крохотными саженцами елочек, плечом к плечу. Вырвешь елочку, как репку, а там под корнями порох: длинные или короткие коричневые трубочки, похожие на макаронины.

Отличный порох, артиллерийский. Прямо залежи!

– Жалко елочки, – смущенно сказал Юрка. – Тут лес зашумит, – и уточнил: – Ну, в будущем.

– И мы тут гулять будем, – поддакнул Витька, – с внуками.

– С кем? – удивился Юрка.

– С тем, – передразнил его Коршун. – Ты что ж думаешь, навечно в четвертом классе остаться?

– Я никогда не поженюсь, как Натти Бумпо – зверобой и

как Д'Артаньян.

– Если бы никто никогда не женился, то бы их и нас на свете не было бы.

– Я и не просил, – проворчал Юрка.

– А жить нравится, да? Ходишь, дышишь?.. Чего рассопелся? Я и сам никогда не поженюсь, – вдруг признался Витька. – Ладно уж, вырывай эти елки-палки через одну, их все равно к Новому году вырубать будут на продажу, иначе все задохнутся.

– Ага, – обрадовался Юрка. Ему и правда было жалко елочки.

Набрали полную кошелку пороха. Она приятно оттягивала руку.

– Ну, теперь о деле давай, – сел на пень Санька. – Порох-то, вот он.

– Тетку Лысую на базаре знаете?

Кто же не знал эту тетку?! Она вечно отиралась на рынке, торговала вкусными жареными семечками, разными овощами и самодельными авоськами. Однажды в воскресный базарный день, в самую жару, она развязала концы своей неснимаемой косынки, а ее возьми и унеси ветер.

Весь базар так и ахнул – лысая. Солнечное сияние!

Половина базара хохотала, половина ругала смеявшихся: «Нашли над чем потешаться!» Два дня о тетке в их казарме болтали: «Женщина, а лысая!» Ребята раньше полагали, что женщины вообще не лысеют, не могут они. «Не умеют», –

как говорил Витька Коршун. С тех пор тетка и стала знаменитой.

– Так это она в хлеб чурки замешивает! – заявил Коршун.

– А ты точно знаешь, что она? – осторожно спросил Юрка. – Она и так несчастная.

– Несчастливая! – взвился Витька. – Это моя мать и твоя несчастные! Буханочки-то, помнишь, какие купили?.. А волосы у нее, видать, от испуга выпали. Каждую минуту трясется, как бы милиция не забрала – нашел кого жалеть.

– От испуга могут, – подтвердил Санька. – Я однажды весь вечер и всю ночь боялся. Не помню чего. Ну, чего-то, что утром должно было быть, – это я помню. Просыпаюсь утром – вся подушка в волосах! Свободно облысеть можно от страха.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.